

1.3. Формирование региональной системы профессиональных союзов

Профессиональные союзы республики фактически не имея опыта практической работы в дореволюционной России, осуществляли свою деятельность в условиях строительства социалистической государственности. Основные принципы работы профессиональных союзов в государстве диктатуры пролетариата были сформулированы в ходе так называемой «Дискуссии о профсоюзах» и в резолюции X съезда РКП(б) «О роли и задачах профсоюзов». Данная резолюция стала нормативно-правовым оформлением представления о профсоюзах как о «школе коммунизма», сформулировав их основные задачи, которые лежали, главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной работы. Поставленные цели и задачи профсоюзы должны были реализовывать как часть единого централизованного властного механизма, что исключало возможность противостояния между ними и органами государственной власти, а также администрацией национализированных предприятий. Как следствие уже в первой половине 1920-х гг. произошла значительная деформация защитных функций профсоюзов, чему способствовало понимание «пролетарской» сущности созданного государства, в котором рабочие сами осуществляют управление производством.

Прежде чем приступить к анализу процесса формирования централизованной системы профессиональных союзов в Бурятии в 1920-х гг., необходимо дать общую характеристику социально-экономического развития республики. К моменту образования на ее территории находилось 2 349 населенных пунктов, включая три города — Верхнеудинск, Троицкосавск, Баргузин, среди которых самым большим по численности населения был Верхнеудинск (21 365 тыс. чел.)¹⁰³ Медленное развитие городов Бурят-Монгольской АССР как экономических центров было связано с аграрным

¹⁰³ Материалы по статистике Бурятии: статистический материал / Бурят-Монгольское статуправление. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское статуправление, 1926. Вып. 1. Население. Труд. С. 1-2.

характером экономики, что определило отсутствие крупной городской промышленности.

В 1926 г. население республики делилось на следующие социальные группы: крестьяне — 98,2%, рабочие — 1,2%, служащие — 0,5%, лица свободных профессий — 0,1%. Социальный состав городского населения включал рабочих (23,3%), служащих (26,9%), кустарей (15,5%), прочих самодельных групп (34,3%)¹⁰⁴. Подобная социальная структура была характерна для традиционных обществ, со слабым развитием городов как экономических центров, товарно-денежного обмена, низкой социальной мобильностью. Проведение новой экономической политики вызвало некоторые изменения в социальной структуре, что было связано с появлением «буржуазных элементов» — нэпманов. В Верхнеудинске этот слой составил около 14%¹⁰⁵, в который вошли разные частнопредпринимательские группы города. При этом становится очевидным, что доля частнопредпринимательских слоев в структуре населения Верхнеудинска была низкой и также соответствовала аграрной сущности городской экономики.

Одним из следствий нэпа являлось формирование относительно свободного рынка труда и появление безработицы, которая стала основной характеристикой повседневности. В 1923 г. в Верхнеудинске насчитывалось 1 622 безработных, что составляло 18,08% трудоспособного населения и превосходило общероссийские показатели на 10,6%.

В городе была сосредоточена значительная часть служащих, составлявшая 20,39%. Верхнеудинск периода нэпа невозможно представить без лиц «свободных профессий» — специалистов, имеющих частную практику, доля которых составила 0,7%. Это врачи, учителя, адвокаты, священнослужители, художники, фотографы¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Социалистическое строительство Бурят-Монгольской АССР за 10 лет. Верхнеудинск, 1933. С. 39.

¹⁰⁵ Материалы по статистике Бурятии: статистический материал./ Бурят-Монгольское статуправление. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское статуправление, 1926. Вып. 1. Население. Труд. С. 9.

¹⁰⁶ История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX-XXI вв. С. 82.

К моменту организации Бурят-Монгольской АССР фабрично-заводская промышленность была представлена только 16-ю действующими промышленными предприятиями с общей численностью рабочих 854 человека. Большинство предприятий республики были полукустарными, с низкой интенсификацией труда, производствами, представлявшими мукомольную, лесопильную, золотодобывающую и другие отрасли. Частнособственническая промышленность ограничивалась рядом мелких предприятий, среди которых можно отметить мыловаренный завод братьев Ицковичей в Верхнеудинске производительностью 3 тыс. пудов мыла в год при 7 рабочих и конфетно-шоколадную фабрику братьев Молдоваров на 1,5 тыс. пудов при 5 рабочих¹⁰⁷.

Абсолютное большинство населения республики было занято в сфере сельскохозяйственного производства, которое в результате революции и гражданской войны находилось в состоянии глубокого кризиса. За время гражданской войны и интервенции в Забайкалье количество скота сократилось более чем вдвое, размеры посевных площадей — почти на 72,5 тыс. га, резко снизилась урожайность полей. Тем не менее именно аграрный сектор давал большее количество валовой продукции, 52% которой приходилось на долю скотоводства, 45% — на земледелие и 3% — на подсобные промыслы. В западных аймаках имел место земледельческо-скотоводческий уклад, в восточных аймаках развивалось полукочевое хозяйство, в северных аймаках эвенкийское население кроме разведения скота занималось охотой¹⁰⁸.

Следовательно, профсоюзное строительство в Бурятии началось в условиях господства аграрной экономики и традиционных социальных отношений. Влияние новой экономической политики фиксировалось преимущественно в городах, которые представляли со-

¹⁰⁷ Балдано М. Н. Город в Байкальской Азии: процессы индустриализации и урбанизации // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / редкол. К. Б.-М. Митупов [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. С. 38-42.

¹⁰⁸ История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX-XXI вв. С. 67-68.

бой относительно большие населенные пункты без собственно городской инфраструктуры. Рабочий класс как обособленная социально-демографическая группа в республике сформирован не был. В этих условиях профессиональные союзы республики, образованные для защиты интересов промышленного пролетариата, вынуждены были включать в свои ряды преимущественно крестьянское население.

Первые профессиональные союзы на территории Забайкалья появились весной 1917 г. в промышленных, торговых предприятиях. В Верхнеудинском уезде их насчитывалось 15, общей численностью 1 417 человек. В Троицкосавске образовалось 6 профсоюзов. 29 июня 1917 г. профсоюзы объединились в совет профессиональных союзов рабочих и служащих города Верхнеудинска и Прибайкальского района, а при Верхнеудинском совете были созданы «примирительные камеры» для решения споров между рабочими и предпринимателями. Гражданская война в Забайкалье стала помехой для активизации профессионального движения, однако с ее завершением были созданы условия для интенсификации профсоюзной жизни.

К началу 1920-х гг. существовало около 30 профсоюзов, где однородные профессии по применяемому труду составляли отдельные организации: союзы учителей начальных школ, учителей средних школ, служащих, казначейства и др. Все союзы до 1920 г. были построены по узкопрофессиональным цеховым признакам. В 1920 г. численность членов профессиональных союзов достигла 6 612 чел., из них наиболее многочисленной являлась промышленная группа — 2 596, что составляло 39,4% общей численности. Второе место занимала группа транспорта и связи — 2 230 чел., в которой основную массу составляли железнодорожники — 1 750. В состав этой группы входили частично извозопромышленники, сами применявшие наемный труд.

В связи с образованием в 1923 г. республики возникла необходимость приведения различных сторон общественной жизни в соот-

¹⁰⁹ Социалистическое строительство Бурят-Монгольской АССР за 10 лет. Верхнеудинск, 1933. С. 34.

ветствие с теми организационными формами, которые действовали на территории РСФСР. Это обстоятельство стало основой изменений организационной структуры профессионального движения в республике.

Резолюция X съезда партии «О целях и задачах профсоюзов» провозгласила, что главным принципом построения советских профессиональных союзов является принцип демократического централизма, основанный не на методе принуждения, а на методе убеждения. В данной резолюции было обращено внимание на необходимость централизации профессиональных союзов, создание единого управленческого аппарата при широком участии рабочих. Тем самым вхождение республики в состав РСФСР активизировало процесс организационной перестройки профсоюзов Бурят-Монгольской АССР.

Еще на первом съезде профсоюзов Прибайкалья в мае 1920 г. было принято решение о построении союзов по производственному принципу¹¹⁰. Это решение положило начало упразднению цеховой системы организации профсоюзов.

Следующий шаг по перестройке профсоюзов был сделан на заседании Дальневосточного бюро ВЦСПС в августе 1923 г., где было принято решение о том, что ввиду образования из частей Прибайкальской и Иркутской губернии Бурятской Советской Социалистической Республики признать необходимым провести реорганизацию Прибайкальского губернского совета в Совет профсоюзов Бурятской Советской Социалистической Республики «с тем, чтобы он входил в ВЦСПС не непосредственно, а через Дальневосточное бюро ВЦСПС»¹¹¹. Таким образом, фиксировалось подчиненное положение совета профсоюзов республики по отношению к Дальневосточному бюро профсоюзов. Но по предложению Бурят-Монгольского бюро РКП(б) и на основании постановления ВЦСПС Прибайкальский совет профсоюзов в октябре 1923 г. был преобразован в Бурпрофсовет (БЦСПС) Следовательно, в республике

¹¹⁰ Жизнь Бурятии. 1927. № 10. С. 110.

¹¹¹ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 254. Л. 1.

¹¹² Там же.

был сформирован собственный, независимый от руководства сопредельных территорий, совет профессиональных союзов.

Структура Бурятского совета профессиональных союзов к 1924 г. включала уездное бюро, 7 уполномоченных и 18 Буротделов с 18 аймотделениями и 300 низовыми ячейками, из них 31 местком, 6 завкомов и рабочкомов, 263 профуполномоченных¹¹³. Иными словами, в результате перестройки союзов по производственному принципу количество отраслевых профсоюзов сократилось почти вдвое, объединив при этом большее число членов. Значительно усложнилась внутренняя структура БСПС, что в будущем потребует создания громоздкого административного аппарата.

Однако на данном этапе руководство Бурпрофсоветом осуществляли 7 человек, которые были вынуждены совмещать разнообразные функции. Например, председатель БСПС являлся председателем страховой кассы, ответственным секретарем, заведующим тарифно-экономическим отделом и заведующим организационным и культурным отделами¹¹⁴. На начальном этапе существования члены руководящего состава Совета профессиональных союзов в повседневной работе совмещали несколько функций, что объяснялось естественной неформальностью центральных профсоюзных структур, недостатком квалифицированных кадров и, безусловно, снижало эффективность работы аппарата.

О персональном составе республиканского руководства Бурятского профсовета известно немного. Первым председателем Бурпрофсовета ориентировочно весной 1924 г. стал Максим Петрович Хорошайлов, член РКП(б) с 1920 г.,¹¹⁵ избранный членом БурЦИКа на втором съезде Советов Бурят-Монгольской АССР в 1925 г.¹¹⁶

Представляется важным и интересным назвать имена ведущих работников Бурпрофсовета, а также глав отраслевых профессиональных союзов. Итак, заместитель председателя Бурпрофсовета и

¹¹³ БМАССР: очерки и отчеты. 1923-1924 гг. Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925. С. 260.

¹¹⁴ Там же. С. 261.

¹¹⁵ ГАРБ. Ф. п-1. Оп.1. Д. 618. Л. 164.

¹¹⁶ Второй съезд Советов Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1925. С. 4.

заведующий орготделом Пундик Исай Иудович; заведующий культотделом — Маляренко Тит Тимофеевич; заведующий общим отделом — Шалаев Михаил Степанович. Селиванов П. Ф. — председатель профсоюза совработников; Затылков — председатель участкового комитета железнодорожников; Кишинский П. Ф. — председатель профсоюза райправсвязи; Андреев В. И. — председатель союза химиков; Потапов Ф. Д. — председатель Бурместкома водников; Стуков М. А. — председатель союза кожевников; Смирнов И. А. — ответственный секретарь союза медикосантруд; Зонов А. Г. — ответственный секретарь бурятского отделения союза рабпрос; Иванов Л. Б. ответственный секретарь бурятского отделения союза металлистов. Капеев В. Е. — ответственный секретарь бурятского отделения союза строителей; Бурлаков И. П. — ответственный секретарь союза коммунальников; Домбровский А. М. — председатель союза печатников; Мельников Г. В. — ответственный секретарь союза пищевиков; Светлов В. И. — председатель бурятского отделения союза «Рабис»; Попов Г. Е. — ответственный секретарь Бурятского отделения союза транспортников; Еременко Н. М. — ответственный секретарь Бурятского отделения союза нарпитания, председатель союза швейников; Гальперов В. Г. — председатель союза Всеработземлес.

Анализ персонального состава Бурятского совета профсоюзов показал также, что по партийной принадлежности 13 руководителей профессиональных союзов являлись кандидатами и членами РКП(б), однако 9 человек были беспартийными. По социальному происхождению большинство глав союзов были рабочими — 12 человек, крестьянами были 8 человек и четверо определены как мещане¹¹⁷. Интересно, что к последней категории был отнесен председатель Всеработземлеса В. Г. Гальперов, что, возможно, обозначало трудности самоидентификации в условиях изменения социальной структуры общества. Таким образом, для руководящего состава Бурпрофсовета середины 1920-х гг. партийная принадлежность еще не являлась определяющим фактором, однако в условиях нарастания

¹¹⁷ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 614. Л. 165-165(об).

партийного влияния в профорганизациях подобное положение может быть рассмотрено как временное.

Для проведения партийных решений, согласно резолюции ЦК КП(б) «По вопросу о профессиональных союзах и их организации», при каждом региональном совете профессиональных союзов были организованы коммунистические фракции. Их основная функция заключалась в распространении своего влияния «на широкие беспартийные слои трудящихся — во всех других рабочих организациях, профессиональных союзах в первую голову»¹¹⁸. На заседаниях коммунистической фракции БСПС рассматривались и решались основные проблемы хозяйственно-экономической жизни, административного развития, определялась кадровая политика.

Одновременно бурятский обком ВКП(б) напрямую контролировал все основные направления профсоюзной жизни, которые становились предметом обсуждения на партийных пленумах и конференциях. Так, проблемы профсоюзного развития были обсуждены на Третьей партийной конференции в октябре 1925 г., где основное внимание было сосредоточено на динамике роста профорганов. Суммируя данные о росте профессиональных организаций, М. М. Сахьянова докладывала, что «к 1 июля 1925 г. профсоюзы насчитывали 13 856 чел. Особенно большой рост имеет союз «Земля и лес», в нем в 1924 г. было 598 чел., в 1925 г. — 3 257 чел. и учтенных батраков 4 508. Довольно значительный рост наблюдался в союзе совработников за счет вовлечения работников низовых советских органов. Рост союза железнодорожных рабочих произошел за счет присоединения к нашему учкпрофсоюзу рабочих и служащих участка Читинской дороги». Кроме того, Сахьянова подчеркивала, что к 1925 г. наблюдался некоторый рост заработной платы, которая увеличилась в промышленной группе, в группе государственных и хозяйственных органов»¹¹⁹.

¹¹⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 8. С. 812.

¹¹⁹ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 818. Л. 26.

Акцентируя внимание на вопросах количественного роста Бурятского совета профсоюзов, лидер республиканского обкома М. М. Сахьянова не обратила достаточного внимания на сущность профработы, например, на проведение кампании по заключению тарифных договоров. Это являлось свидетельством, в первую очередь, механического вовлечения населения в профсоюзную работу, в то время как реальные механизмы улучшения жизни трудового народа находились в государственных структурах.

О возросшем партийном влиянии на профсоюзное движение говорит и то, что в правлениях профессиональных союзов партийное ядро в 1925 г. составляло 43%¹²⁰. В дальнейшем эта доля партийных работников будет только увеличиваться, что подтвердит положение профсоюзов как части единого властного механизма и поставит последние в прямую политико-правовую зависимость.

В организационный период формировалось также административное влияние советских органов на профсоюзные организации. Складывалось положение, при котором народный комиссар труда (НКТ) входил в президиум Бурпрофсовета как его член, а председатель последнего входил в состав коллегии и комиссии при Бурнаркомтруда. Кроме этого, представители НКТ присутствовали на различных профсоюзных собраниях, где освещались те или иные вопросы, касающиеся охраны труда. Делались доклады инспекторов труда на различных конференциях и съездах профсоюзов, а также на заседаниях правлений профсоюзов. Кроме этого, НКТ принимал самое активное участие в проводимой Бурпрофсоветом кампании по популяризации Кодекса законов о труде и вопросов охраны труда¹²¹.

Обязательное членство в профсоюзах, их государственное финансирование, выполнение задач, присущих государственной власти, приводили к тому, что были созданы условия для утраты общественного характера, инициативности и самостоятельности профсо-

¹²⁰ Данилова З. А. Общественные организации Бурятии (1923-1928 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. С. 23.

¹²¹ БМАССР: очерки и отчеты. 1924-1925 гг. Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925. С. 38.

юзных организаций в решении насущных вопросов. В ряде случаев профсоюзы сами устранялись от решения текущих проблем, предоставив эти функции органам власти.

В качестве примера можно привести итоги Боханской аймачной конференции Всемедикосантруда, которая в ответ на жалобы на плохие санитарно-гигиенические условия труда и нехватку материальных средств указала «на необходимость медработникам на местах войти в тесную связь с комячейками и органами Соввласти»¹²² для решения названных вопросов. Справедливо будет заметить и то, что не во всех сельских профорганизациях имелись достаточные для оказания требуемой помощи ресурсы, особенно если учитывать аморфность аймачных профбюро.

Безусловно, влияние государства на профсоюзные организации проявилось и в необходимости оформления «пролетарского» социально-классового состава профессиональных союзов. Вовлечение в профсоюзы рабочих, беднейших слоев крестьянства одновременно являлось препятствием для вхождения середняков и тем более кулаков в профсоюзы. Формулируя основные задачи профсоюзов в сельской местности, руководство Бурпрофсовета отмечало, что «нужно категорически отказаться от роста союза за счет непролетарских элементов, вовлекая лишь пролетарские слои деревни»¹²³.

Такое понимание задач по изменению социально-классового состава профессиональных организаций было характерно только для советского профдвижения, целью которого было в том числе и обеспечение доступа к власти и управлению групп населения, лишенных этого права ранее.

В перечень государственно-ориентированных задач профессиональных союзов входило вовлечение представителей коренной национальности в профаппарат в учреждениях, администрации предприятий. Об этой стороне политики коренизации говорила М. М. Сахьянова на третьем республиканском съезде профессиональных организаций. Она поясняла, что подготовка работников националов для их работы в советских учреждениях «почти цели-

¹²² Бурят-Монгольская правда. 1925. 5 мая. № 98. С. 3.

¹²³ Жизнь Бурятии. 1925. № 5-6. С. 94.

ком должна быть отнесена на профсоюзы»¹²⁴. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о количестве вовлеченных бурят по линии профсоюзов, но не подлежит сомнению, что поставленная задача выполнялась.

В целом задачи по формированию пролетарского социального состава и коренизации профорганизаций положительно сказались на общем ходе социальной трансформации аграрного общества. Деятельность профессиональных организаций вписалась в контекст социокультурных преобразований, давая некие позитивные результаты. Однако выполнение этих задач, привнесенных в профессиональное движение «сверху», принимало характер исполнения партийных указаний, что лишало профорганизации самостоятельности в данных вопросах.

Принимая во внимание аграрный характер экономики республики, профессиональные союзы ориентировались на привлечение как можно большего количества населения в свои ряды и вели активную работу среди деревенской бедноты. В 1924 г. был создан профессиональный союз работников земли и леса (Всеработземлес), который стал профсоюзом рабочих и служащих Наркомата земледелия и лесничества города Верхнеудинска. Всеработземлес стал проводником экономической и культурной политики руководства профессионального движения среди деревенской бедноты и батрачества. Данное направление работы союза сформулировано в перечне его целей и задач культурно-просветительской работы, которые «на селе имеют гораздо более важное значение, нежели в городе, ибо на селе мы отстали»¹²⁵.

Бурбюро союза было организовано в 1924 г. в составе 3 человек под председательством П. Ф. Зорина и Башарова. Работа между членами Бурбюро распределена не была и «все члены Бурбюро являлись переходящими, к постоянной работе Бурбюро являлся один технический секретарь, который проводил переписку с местами»¹²⁶.

¹²⁴ Бурят-Монгольская правда. 1926. 2 дек. № 274. С. 3.

¹²⁵ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 489. Л. 36.

¹²⁶ Там же. Л. 25.

Итоги обследования деятельности бюро Всеработземлеса в декабре 1924 г. показали, что в оргбюро работает фактически только один человек, который не может «своевременно один разрешить того или иного вопроса»¹²⁷. Как в случае с центральным советом союзов, не были определены функции бюро, а также отсутствовал аппарат управления, что свидетельствовало о необходимости единого централизованного управления.

Отмеченные трудности препятствовали на начальном этапе созданию и функционированию низовых отделений союза. Так, в отчете о работе Всеработземлеса за 1924 г. анализируется процесс формирования союза, отмечается, что «в г. Верхнеудинске низовые профячейки были организованы к 1 августа и насчитывали в 2 коллективах при НКЗ и Верхнеудинском лесничестве около ста человек. Работа по созданию низовых ячеек проходила медленно и за период с момента организации до сентября 1924 г. ячейки созданы только в двух аймаках: Боханском и Эхирит-Булагатском — в количестве 183 чел.». И далее «с сентября 1924 г. положение меняется, чему способствовало проведения ряда совещаний Бурпрофсовета с работниками с мест, представители которого являются представителями наших организаций. Также было проведено совещание по линии нашего союза, в октябре республиканская межсоюзная конференция на которых рассматривались вопросы работы союза»¹²⁸. Очевидно, что руководство БСПС, активизируя работу низовых ячеек, в том числе и административными методами, все же пыталось выстроить централизованную структуру республиканского профсовета.

Однако несогласованность работы местных отделений привела к неточностям статистического учета в союзе. Так, по неполным данным, во Всеработземлесе в 1924 г. русских было 70%, бурят — 25%, прочих — 5%. По социальному положению члены союза ранжировались: рабочие — 58%, служащие — 42%; по уровню образования: грамотные — 25%, мало- и неграмотные — 75%.¹²⁹

¹²⁷ Бурят-Монгольская правда. 1924. 5 дек. № 273. С. 4.

¹²⁸ Бурят-Монгольская правда... С. 4.

¹²⁹ Там же. Л. 26.

Кроме того, в данном отчете говорится о нечеткой организационной работе союза, а именно отмечается то, что «не проводится заседаний и собраний в аймаках — Хоринском, Агинском, Тункинском, Баргузинском и Троицкосавском. От этих аймаков бюро не получило информационных отчетов»¹³⁰. Очевидно, что Всеработземлес на этапе своего становления нуждался в формировании механизма, работа которого превратила бы данный отраслевой профсоюз в единую и работоспособную единицу БСПС. Вероятно, что показатели о национальном составе и грамотности членов союза в большей степени отражают реальное положение, тогда как количество служащих, возможно, завышено, что связано с критериями для вступления во Всеработземлес.

Проектом положения о Всеработземлесе разрабатывалась четкая внутренняя структура союза, предполагающая, что «первичной проячейкой является делегат, который избирается при количестве членов от 3 до 5, время от времени должен собираться на делегатские собрания и вести работу под руководством низовой ячейки. На местах низовой ячейкой являются рабочкомы, лесрабочкомы, сельбатрачкомы, местком или профуполномоченные, если нет достаточного количества членов для организации месткомов. На территории аймака-уезда устанавливаются высшей профорганизацией аймачные уездные отделения, объединяющие все существующие профорганизации нашего союза»¹³¹. Таким образом, с организационной точки зрения, Всеработземлес был создан как единая структура с жестко подчиненными звеньями. Состоявшийся в феврале 1925 г. первый республиканский съезд союза Всеработземлеса закрепит организационное оформление союза.

Вертикализация внутренней структуры отраслевого союза, с одной стороны, являлась необходимым условием расширения профсоюзной работы, особенно в отдаленных аймаках, с другой стороны, обусловила формальное отношение к работе рядовых членов. Размытое определение функций конкретного человека, отраженное в положении о Всеработземлесе, не закрепило за ним конкретные

¹³⁰ Бурят-Монгольская правда... Л. 27.

¹³¹ Бурят-Монгольская правда^Л. 27.

полномочия и обязанности. Вместе с тем принятое положение обозначило подчиненную роль личности в нарождавшемся бюрократическом механизме.

Анализируя опубликованную отчетность Госкомстата БМАССР, можно определить, что к 1925 г. абсолютное большинство членов профорганизаций 87,6% были заняты в государственном секторе и сфере управления, 10,5% представляли кооперацию и общественные структуры и лишь 1,9% трудились в частных предприятиях. К 1926 г. пропорции членов профсоюзов, занятых в разных сферах производства и управления, существенно не изменились: 88,7% занятых в госсекторе, 9,7% в кооперации и 1,6% в частном производстве¹³². Подобная структура занятости населения адекватно отражала доминирование государственного сектора в экономике республики и неразвитость частнокапиталистических отношений, в особенности в сельском хозяйстве.

Территориальное размещение профсоюзов несколько противоречило структуре занятости населения: большинство профессиональных организаций находилось в 1924-1926 гг. в городе Верхнеудинске, меньше в Троицкосавске и Баргузине, сельские же районы в данный период профдвижением были охвачены в гораздо меньшей степени. Однако по темпам роста профессиональные союзы некоторых сельских аймаков значительно опережали городские. Так, например, прирост членов профсоюзов в г. Троицкосавске за 1924-1926 гг. составил 21,4%, в г. Баргузине — 13,9%, в то время как в самом Баргузинском аймаке рост количества членов профсоюзов составил 86,3%. Однако в сравнении с городскими прирост сельских союзов не был равномерным, показывая в отдельных аймаках отсутствие пополнения в профорганизациях¹³³.

Анализ территориальной структуры республиканского профдвижения и динамика его роста подтверждают тенденцию к расширению союзов, прежде всего за счет сельских аймаков и

¹³² Материалы по статистике Бурятии: статистический материал / Бурят-Монгольское статуправление. Верхнеудинск, 1926. Вып. 1. Население. Труд. С. 58.

¹³³ Там же. С. 59-60.

предприятий. Кроме того, масштабы роста численности членов БСПС говорят о характерном «поголовном» охвате тружеников членством в профорганизациях. К октябрю 1925 г. 91% рабочих промышленных предприятий являлись членами профсоюзов. Среди работников транспорта и связи этот показатель равнялся 88,11%, сельхозрабочих — 90,1%, совтрослужащих — 84,5%. В целом по республике 86,9% работающего населения являлись членами профсоюзов¹³⁴.

Логика развития профсоюзного движения Бурятии демонстрировала реализацию сформулированной установки X съезда РКП(б) о всеобъемлющем включении трудящихся в профессиональные союзы. Реализуемая целевая установка способствовала формированию профсоюзного движения как организации, охватывающей огромные массы трудящихся сверху донизу. Включенные в масштабное профдвижение трудящиеся в конечном итоге должны были действовать в жестко заданных государственной властью рамках, которые лишали профсоюзы подлинной самостоятельности и творческой инициативности.

На прошедшей 12-25 октября 1924 г. республиканской конференции профсоюзов были рассмотрены вопросы профсоюзного строительства, охраны труда, национализации аппарата, работы по вовлечению в профсоюзы деревенской рабочей массы и т. д. Перечисленные вопросы имели классовый, идеологический характер, содержали формулировки, которые во многом повторяли задачи органов государственной власти. В данном контексте республиканские профсоюзы должны были приобщать население, особенно бурятское, к государственному управлению, приближая аппараты власти к населению улусов¹³⁵. В целом конференция удовлетворительно оценила работу исполнительных органов власти, подчеркивая солидарность профессиональных союзов с политикой государства.

¹³⁴ Материал^! по статистике Бурятии: статистический материал / Бурят-Монгольское статуправление. Верхнеудинск, 1926. Вып. 1. Население. Труд. С. 59-60.

¹³⁵ Жизнь Бурятии. 1924. № 4-5. С. 76-78.

С начала 1920-х гг. в Советской России возродилась практика заключения коллективных трудовых договоров. Коллективный договор являлся тем документом, который определял принципы оплаты и условия труда и быта на каждом предприятии. Такой договор являлся официальной гарантией соблюдения прав трудового населения, стал формальным основанием для ведения защитной деятельности профсоюзами.

Работу по заключению трудовых договоров Бурпрофсовет стал проводить с 1924 г., в котором было заключено 32 коллективных договора, с охватом 1 566 чел., что составило 24% общего числа членов союзов. В следующем 1925 г. было заключено 82 договора, которыми было охвачено уже 5 420 чел., или 69% общего числа членов¹³⁶.

В области регулирования заработной платы профессиональные союзы полагались скорее на государственную политику и их вклад в повышение зарплаты рабочих и служащих определить достаточно сложно. Тем не менее профсоюзы принимали участие в создании твердых окладов, бронированного фонда заработной платы, ее фиксировании с помощью трудовых договоров и т. д. Но эта деятельность не приносила желаемого эффекта, что отмечалось на апрельском пленуме БСПС, где, в частности, констатировалось, что «в части тарифной работы для проведения тарификации была создана особая комиссия, которая тарифицировала, а союзы были в стороне, такое явление ненормально»¹³⁷.

Более того, фиксируя низкий характер заработной платы и ее незначительное повышение, пленум БСПС не выработал соответствующих решений и ограничился намеченным планом по унификации заработной платы по обслуживающим союзам¹³⁸. Все вышеизложенное позволяет сделать предположение об отсутствии у республиканских профорганизаций реальных механизмов влияния на тарифно-экономическую политику.

¹³⁶ БМАССР: очерки и отчеты. 1924-1925 гг. Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925. С. 263.

¹³⁷ ГАЗК. Ф. Р- 601. Оп. 1. Д. 169. Л. 167.

¹³⁸ Там же. Л. 199.

Деятельность бурятских профсоюзов в области охраны труда и конфликтной работы тесно соприкасалась с аналогичной работой Наркомата труда, уступая последней по количественным и качественным характеристикам. Проводя обследование промышленных предприятий, инспекторы НКТ были наделены рядом специальных полномочий, в то время как работа профессиональных союзов была констатирующей и не давала ощутимых результатов.

Основными видами нарушений закона в области охраны труда были увольнения со службы, невыплаты зарплаты при увольнении, компенсации за отпуск, отсутствие страхования и проч. Названные виды нарушений становились основными источниками конфликтов рабочих и администрации предприятия, разрешением которых занимались и наркомат труда, и профсоюзные органы. Так, за период 1923-1924 гг. наркоматом труда были зарегистрированы дела по 341 конфликту, из которых только 38 были переданы в примирительные камеры и третейские суды. Разрешено было 379 конфликтов, из которых 129 в пользу работодателей, 250 в пользу рабочих. За 1925-1926 гг. наркомтруда разрешил 44 конфликта в третейском суде, 39 из которых было передано на заседание примкамеры и 9 рассмотрено в третейском суде¹³⁹. Несмотря на противоречие количественных показателей, очевидно, что наркомат труда справлялся с возложенными на него обязанностями.

В то же время из 50 конфликтов, рассмотренных на заседаниях БО профсоюзов, по 19 конфликтам было принято решение в пользу рабочих, по 7 в пользу работодателей, 29 дел не было разрешено отделениями союзов. В следующем 1925 г. из 55 конфликтов 22 было разрешено в профорганах, 28 — нет¹⁴⁰. Из приведенных данных следует, что профсоюзные органы не могли разрешить более чем половину конфликтов, вследствие общего ослабления позиций

¹³⁹ БМАССР: очерки и отчеты 1923-1924 гг. Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925. С. 172; *То же*. 1925-1926 гг. Верхнеудинск, 1927. С. 254.

¹⁴⁰ Материалы по статистике Бурятии: статистический материал / Бурят-Монгольское статуправление. Верхнеудинск, 1926. Вып. 1. Население. Труд. С. 111.

профсоюзов в деле защиты рабочих. Неэффективность защитной деятельности профсоюзов порождало неверие рядов членов в их реальные возможности.

Следовательно, на организационном этапе между Бурпрофсоветом и республиканским наркоматом труда не были разграничены функции по охране труда, конфликтной работе, социальному страхованию. На практике вышеперечисленные функции выполнял наркомат труда, который путем инспектирования предприятий и учреждений республики выяснял, а впоследствии решал вопросы задержки заработной платы, нарушений охраны труда и распорядка дня, проводил разъяснительную работу. Подобная практика приводила к формальному дублированию основных функций между профессиональными организациями и государством в сфере трудовых отношений.

Профорганизации республики проводили мероприятия по социальному страхованию, санаторно-курортному лечению, медицинскому обеспечению своих членов. Так, например, в 1924 г. за счет профорганов 232 человека были отправлены на курорты, однако медицинская помощь была оказана на средства наркомата здравоохранения.

Также велась, преимущественно в зимнее время, культурно-просветительная работа. К 1924 г. профсоюзами было организовано 13 пунктов ликвидации неграмотности, созданы 3 школы для взрослых, 25 библиотек, 8 передвижек, 6 школ при производствах, 20 клубов и 5 уголков¹⁴¹.

Итоги проведенной культурно-просветительской работы за 1924 — начало 1925 г. свидетельствовали о ее масштабности. Так, в 8 клубах обслужено 6 717 членов союзов, в 32 красных уголках 2 607 членов союза. За это время проведено 30 лекций, имевших 1 004 посетителя, и 5 вечеров вопросов и ответов. Проведено также за полугодие для членов профсоюзов с целью профпросвещения 25 сценических постановок, 1 вечер самодеятельности, выпущены 4 живые газеты, 3 вечера вопросов и ответов, 3 показательных суда,

¹⁴¹ БМАССР: очерки и отчеты. 1923-1924 гг. Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925. С. 266.

12 семейных вечеров и 30 киносеансов клубного проката. Эти виды массовой работы посетило 15 933 члена профсоюза¹⁴². Подобные количественные данные позволяют сделать вывод о востребованности рабочими мероприятий по профсоюзному просвещению, важности его проведения в условиях низкой грамотности населения и отсутствия подготовленных кадров.

Однако проводимые мероприятия как по форме, так и по содержанию не отличались от аналогичных мер, проводимых наркоматом просвещения. В условиях отсутствия специфики работы механизмы социально-культурной адаптации членов профсоюзов служили неким дополнением к государственной политике. Просветительские функции, взятые на себя профессиональными организациями в указанных масштабах, были несвойственны их природе и реализовывались в связи с общегосударственным курсом на всеобщее народное просвещение. Осуществление профсоюзами культурно-просветительской работы указывало и на их отход от защитных функций и выдвижение на передний план административно-хозяйственных задач.

Противоречивое положение сложилось в союзе коммунальников, республиканский съезд которого констатировал активизацию культурно-просветительской работы. Но несмотря на создание красного уголка, организацию подписки на газету «Бурят-Монгольская правда», ликпункта, который в течение месяца ликвидировал неграмотность членов, в культурную работу было вовлечено только 10% членской массы¹⁴³. Безусловно, необходимость формирования кадров профработников и повышения образовательного уровня рядовых членов способствовала расширению просветительской работы. Однако обязательный характер ее проведения всеми общественными организациями и органами государственной власти превращал культурно-просветительскую работу в придаток собственно профсоюзной деятельности, снижая ее эффективность.

К середине 1920-х гг. наметилась тенденция к бюрократизации союзной жизни, что являлось первым сигналом нехватки демокра-

¹⁴² Бурят-Монгольская правда. 1925. 8 апр. № 32. С. 3.

¹⁴³ Бурят-Монгольская правда. 1925. 16 янв. №13. С. 5.

тических начал в работе профсоюзных органов. Руководство Бурпрофсовета, предпринимая некоторые шаги в этом направлении, пыталось снизить административную нагрузку на членов союзов, о чем свидетельствовали решения, прописанные в итоговой резолюции пленума БСПС в 1925 г.

«^ В целях разгрузки актива БО на местах аймотделений пленум предлагает расширенные заседания президиума БСПС и аймпрофбюро проводить не более двух раз в месяц, заменяя их открытыми заседаниями на широких рабочих собраниях и совещаниями постоянных работников союзов. Большое количество членов президиума БСПС и Буротделов в различных учреждениях и организациях должно быть пересмотрено и снижено до минимальных размеров, в некоторых случаях заменено представительством рядовых членов»¹⁴⁴.

Решения, озвученные пленумом БСПС, способствовали упорядочению и систематизации работы центрального и местных аппаратов профсоюзных организаций, разгрузке значительного количества профработников и возвращению к их непосредственным обязанностям. Пытаясь привлечь широкие массы рабочих к открытым заседаниям, руководство профсоюзов стимулировало активное участие трудящихся в решении насущных проблем. Однако в целом тенденция к бюрократизации союзной жизни в данный период только формировалась и поэтому не рассматривалась как основная.

Таким образом, образование республики в 1923 г. привело к формированию профессиональных союзов, созданных на основе нормативно-правовых актов советского социалистического государства. Перестройка системы профессиональных союзов по производственному принципу привела к сокращению количества союзов при возрастании их численности. Профсоюзы в начальный период их существования являлись одним из механизмов проведения государственной политики, выполняли задачи, несвойственные природе профдвижения. В этом смысле их деятельность не имела собственной специфики и как следствие уступала в качественном отношении мероприятиям органов государственной власти. Кроме того, в

¹⁴⁴ ГАЗК. Ф. 601. Оп. 1 Д. 169. Л. 199.

результате переплетения функций союзов и наркомата труда по охране и защиты трудящихся первоначальные защитные функции профессиональных союзов остались нереализованными, а конфликтная работа неэффективной. Все вышеизложенное приводит к выводу о функционировании республиканского профдвижения в качестве одного из механизмов государственной власти, остающегося общественной организацией только по форме.

Анализ процесса становления общественных организаций в условиях формирования национальной государственности в Бурятии в первой половине 1920-х гг. приводит к заключению, что грандиозные политико-социальные преобразования, вызванные Российской революцией 1917 г., образованием советского государства, стали основой для всестороннего развития гражданской активности. Законодательство первых лет Советской власти создало условия для появления многообразных форм, которые обнаружили творческую общественную инициативу.

Однако демократизация экономической жизни периода проведения нэпа, которая привела к зарождению многообразных форм гражданской активности, парадоксальным образом обусловила их развитие в обстановке политико-идеологического контроля, отсутствия плюрализма и реальной демократии. Перечисленные обстоятельства стали причиной сужения и унификации общественной деятельности, символом чего является общепринятое понятие «общественные организации».

При всем многообразии общественных организаций 1920-х гг. как минимум три сферы стали недоступны для активной общественной деятельности — политическая, экономическая и религиозная. Ограничения коснулись и некоторых социальных слоев, имеющих «непролетарское» происхождение.

Образование Бурят-Монгольской АССР, являвшиеся важнейшим этапом государственного самоопределения бурятского народа, стабилизировало государственную, экономическую, социальную жизнь региона. Создание автономной республики и вхождение ее в политико-правовое поле РСФСР, способствовало формированию общественных организаций, социалистических по форме и содержанию.

Республиканские общественные организации, созданные при участии органов власти, содействовали решению социальных проблем, а также идеологическому воспитанию трудящихся в русле идеи «мировой революции». Деятельность общественных и профсоюзных организаций находила поддержку у трудового населения республики, подтверждением чему служит массовое членство и характер участия населения в их кампаниях.

В то же время «массовость» общественных и профсоюзных организаций, становясь подчас единственным критерием их эффективности, подменяла понятие общественной инициативы. Государственно-политический контроль направлял развитие общественной деятельности, подчиняя ее единственно правильной воле партии и государства, превращая общественную самодеятельность в своеобразный конвейер, в часть механизма государственной машины. Данные явления, развиваясь в первой половине 1920-х гг., как обособившаяся тенденция стали сущностью общественной жизни уже в следующий период.